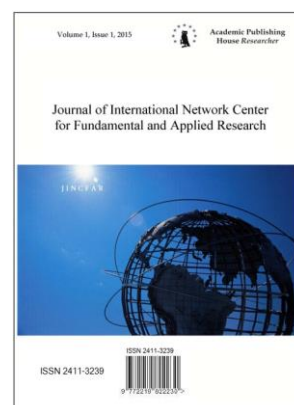

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7588
2018, 5(2): 78-87

DOI: 10.13187/jincfar.2018.2.78
www.ejournal36.com

Old Believer Priests of Udmurtia in the second half of the XIX – early XX century: Relations with Local Authorities and the Orthodox Clergy

Andrey A. Mashkovtsev ^{a, *}, Victoria V. Mashkovtseva ^a

^aVyatka State University, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the analysis of the relationship of the Old Believers clergy of Udmurtia with the local authorities and the Orthodox clergy in the second half of the XIX – early XX centuries. The article is based on the documents of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive, the Central State Archive of the Udmurt Republic and the Central State Archive of the Kirov Region. The authors analyzed the causes of the negative attitude of the local administration to the Old Believers clergy, and also reviewed the main manifestations of the repressive course (detaining the Old Believers activists, closing prayers, removing old printed books, etc.). It is emphasized that even despite the liberalization of the confessional course in 1905, certain trends in Old Believers (for example, wanderers) continued to be persecuted by the authorities and the official church.

Keywords: confessional policy, Old Believers, Russian Orthodox Church, clergy, wanderers (runners), chapel, icon, religious rites, Vyatka Right Reverend, Vyatka provincial gendarme office.

1. Введение

Вятская губерния являлась одним из крупнейших центров староверия в России. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года она занимала шестое место по численности проживавших в регионе старообрядцев, а в начале XX века – третье место в стране по данному показателю. При этом, несмотря на принимаемые как правительством, так и официальной церковью меры, в Вятской губернии наблюдался устойчивый количественный рост приверженцев «древнего благочестия», о чем свидетельствуют представленные в таблице статистические материалы.

* Corresponding author

E-mail addresses: wikma116@rambler.ru (A.A. Mashkovtsev)

Таблица 1. Динамика численности старообрядцев Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 7 об. – 9; ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 737. Л. 139; ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Л. 4 об. – 6; ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 137–139; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904: 84; ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 2 об. – 4).

Годы	1855 г.	1865 г.	1875 г.	1885 г.	1897 г.	1905 г.
Численность старообрядцев (чел.)	38996	47338	61816	72709	98055	105528

Увеличению количества адептов староверия способствовал комплекс факторов. Это естественный прирост их численности, переходы в старообрядчество приверженцев Русской православной церкви, либерализация конфессиональной политики самодержавия, нашедшая отражение в издании ряда нормативно-правовых актов (законы 3 мая 1883 г., 17 апреля 1905 г., 17 октября 1906 г.) и др.

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. лидером по численности старообрядцев Вятской губернии неизменно оставался Глазовский уезд, находившийся на востоке региона. В разные годы здесь проживало от 30,5 % (1875 г.) (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. 4 об. – 6) до 37,6 % (1909 г.) (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Л. 2 об.–4) всех вятских староверов (см. Таблица 2).

Таблица 2. Численность старообрядцев Глазовского уезда во второй половине XIX – начале XX вв.

Годы	1855	1860	1865	1869	1875	1879	1885	1897	1905	1909
Численность старообрядцев (чел.)	12669	13658	15443	17261	18842	20635	24564	30602	37412	43449

При этом здесь проживали как поповцы, так и беспоповцы. Центрами беспоповщины в Глазовском уезде являлись села Карсовайское, Кулиг, деревни Павлушата и Мокрушата. Поповщина была наиболее сильно представлена в селах Порезское, Зюзино-Христорожественское, Зюзино-Афанасьевское, деревнях Наймушинская, Антоновская, Тарасенская. В Омутнинском заводе проживали старообрядцы обоих толков.

Четвертым (а в конце XIX – начале XX вв. – третьим) по численности старообрядцев на территории Вятской губернии являлся Сарапульский уезд, находившийся на юго-востоке региона. По данным переписи населения 1897 г. в нем проживало 13618 староверов (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904: 84). Поповцы здесь были максимально представлены в селах Петропавловское и Июльское, деревнях Светлая и Черная, на Ижевском заводе и в городе Сарапуле. Наиболее крупные центры беспоповщины – Воткинский завод, село Кигбаево и деревня Верхняя Талица.

2. Материалы и методы

Старообрядцы-поповцы и беспоповцы не были едины в восприятии института священнослужителей и его иерархии. Поповцы, негативно оценивая реформы патриарха Никона, полагали, однако, что они не были приняты всем духовенством официальной церкви. В связи с этим они изначально допускали возможность перехода священников из Русской православной церкви в староверие после их перекрещивания. Не случайно первой по времени появления формой поповщины стала беглопоповщина. В целом поповцы

признавали необходимость священника и его доминирующую роль в совершении богослужения и религиозных обрядов. Беспоповцы, напротив, категорически отрицали иерархию духовенства официальной церкви, что объяснялось их радикальными религиозными воззрениями. Функции священника у них исполняли наставники из числа мирян. Светские и духовные власти старались пресечь деятельность всего старообрядческого клира. История взаимоотношений старообрядческого духовенства с представителями региональной власти и священнослужителями Русской православной церкви рассматривается в данной статье на материалах неопубликованных источников, извлеченных из фондов центральных и региональных архивов России. В частности, в Государственном архиве Российской Федерации информация по рассматриваемой теме содержится в коллекции рукописей Царскосельского дворца (Ф. 543). Обширный материал, касающийся истории культовых старообрядческих центров на Вятке отложился в фонде канцелярии обер-прокурора Синода (Ф. 797) Российского государственного исторического архива. Особое значение имеют документы фондов Вятской духовной консистории (Ф. 237), Вятского комитета православного миссионерского общества (Ф. 811), Вятского жандармского полицейского управления Государственного архива Кировской области и Сарапульского духовного управления (Ф. 245) Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Из опубликованных источников при рассмотрении обозначенной темы привлекались материалы законодательного характера, что необходимо для анализа нормативно-правовой базы реализации конфессиональной политики государства по отношению к старообрядцам.

3. Обсуждение

В дореволюционный период деятельность старообрядческого клира активно обсуждалась православными миссионерами и в целом представителями духовенства официальной церкви, что нашло отражение в ряде публикаций на страницах местной прессы (М. Фармаковский, И. Фармаковский, Ф. Тихвинский). Однако данные работы не лишены эмоциональной окраски и являются весьма тенденциозными. Лица, совершавшие богослужение и отправлявшие религиозные обряды у старообрядцев, рассматривались как распространители «раскола», чья деятельность должна быть пресечена. Особую тревогу вызывало их негативное, с точки зрения светских и духовных властей, влияние на приверженцев Русской православной церкви.

В советской историографии рассматриваемая нами тема практически не затрагивалась или освещалась фрагментарно. Например, в работах ижевского исследователя Ю.М. Ивонина поднимаются проблемы истории староверия и его развития на территории удмуртских уездов Вятской губернии. Среди современных авторов, анализирующих взаимоотношения властей со старообрядческим духовенством на территории Вятской губернии, следует назвать И. В. Починскую. В работах исследователя названная проблема отражена, главным образом, в контексте истории культовых центров старообрядцев. Всестороннее изучение конфессиональной политики властей по отношению к старообрядческому клиру на материалах вятской истории в настоящий момент отсутствует. Этим обусловлена актуальность обращения к выбранной теме исследования и необходимость ее анализа на основе архивных источников.

4. Результаты

Весомая численность старообрядцев на востоке губернии обусловила повышенное внимание к ним со стороны властей и активную деятельность местных административно-полицейских органов и православного духовенства, направленную на искоренение староверия, обращение его адептов в лоно официальной церкви. «Противораскольническая миссия» в Глазовском уезде была учреждена еще в 1836 г. (ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 591. Л. 1). В целях пресечения распространения староверия власти жестко контролировали деятельность представителей старообрядческого клира, рассматривая ее как противозаконную. В частности, согласно распоряжению министра внутренних дел за представителями старообрядческого духовенства устанавливался административный надзор. Под особым контролем находились те старообрядческие священники, которые совершали религиозные обряды: «венчание православных с раскольниками, крещение

младенцев православных» и т. п. (ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 591. Л. 1). Закон 3 мая 1883 г. содержал ряд ограничений прав и свобод «ревнителей древнего благочестия». Так, например, за лицами, исполнявшими духовные требы у старообрядцев, не признавалось какого-либо духовного сана, им не разрешалось распространять свое вероучение среди адептов Русской православной церкви. Последнее названо в законе «преступным деянием». Кроме того, приверженцам староверия запрещалось «публичное оказательство раскола», т. е. крестные ходы, употребление вне домов и молелен монашеского одеяния, публичное ношение икон, пение на улицах «раскольнических песен» (ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 69. Д. 223. Л. 1).

Одним из распространителей староверия в Глазовском уезде являлся крестьянин починка Тарасенского Мухинской волости Козьма Чернышев. Согласно сведениям, представленным вятскому губернатору миссионером Василием Сырневым, К. Чернышев, исполняя обязанности священника, занимался перекрещиванием старообрядцев (вероятно, бывших адептов Русской православной церкви) и их венчанием. Миссионер подчеркнул, что К. Чернышев совершал указанные выше религиозные обряды не бесплатно: стоимость первого составляла от 30 до 50 коп. с человека, второго – от 6 до 15 руб. Отметим, что взимание денег православными священнослужителями за отправление ими духовных треб было излюбленной темой для обсуждения во время бесед старообрядцев с приверженцами официальной церкви. Они всячески старались убедить православных в корыстных побуждениях их пастырей. Однако исследователи вятского старообрядчества, в частности М. Фармаковский, подчеркивают, что факт взимания платы свидетельствует не о корыстолюбии православного духовенства, а о материальных трудностях, которые вынуждали священников брать деньги со своих прихожан за совершение религиозных обрядов. Более того, как мы видим, и старообрядческие «лжепопы» тоже служили не бескорыстно. Они принимали от своих последователей не только деньги, но и зерно (хлеб), которое привозили с собой староверы, собираясь на моление к своему наставнику в особо назначаемые праздничные дни. Старообрядческие священники имели доход от торговли восковыми свечами, лестовками из телячьей кожи, книгами. Таким образом, они оказывались материально более обеспеченными, чем православные служители культа (Фармаковский, 1880: 266–272).

Как правило, старообрядческое духовенство скрывало свою материальную зависимость от прихожан. Так, К. Чернышев в ходе следствия отрицал, что брал деньги со староверов за совершение религиозных обрядов. По свидетельству миссионера и православных односельчан, разбогатеv, он стал притеснять приверженцев официальной церкви. Например, крестьянин починка Бушмелевского Дмитрий Бушмелев (православный) 23 мая 1870 г. направлялся в дом старообрядца починка Харинского Климента Харина по его приглашению. Как выяснилось, там уже находились староверы Козьма Чернышев, Дмитрий и Матфей Харины, собравшиеся для крещения новорожденного. Увидев подходившего к избе Дмитрия Бушмелева, старообрядцы вышли на улицу и обратились к нему с вопросом: «Зачем ты пристаешь за православных и не веришь нашему учению?» (ЦГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1660. Л. 2). После этого они сильно избили Д. Бушмелева. К счастью, вовремя появились православные односельчане, и старообрядцы, испугавшись свидетелей, скрылись в доме Климента Харина. После описанного инцидента Козьма Чернышев предлагал Дмитрию Бушмелеву четверть ведра водки и Екатерине Рябовой (свидетельнице) 10 руб. за неразглашение происшедшего. В соответствии с распоряжением вятского губернатора по делу о распространении староверия К. Чернышевым было проведено следствие.

30 августа 1870 г. в ходе обыска в его доме полиция обнаружила молельню. В ней находился киот с двумя большими иконами Спасителя и пророка Ильи, написанными на деревянных досках, и одиннадцатью медными иконами разной величины. Перед образами висела кадилница; в жестяной коробочке хранился ладан. В шкафу были найдены книги религиозного содержания: Канонник, Часослов, Псалтырь и Шестоднев. Кроме того, в молельне К. Чернышева при обыске обнаружили восковые свечи, лестовки и дароносицу. Сам старообрядец, давая показания, назвал описанную комнату не молельней, а «отхожей избой от угара». Однако один из свидетелей – Петр Репин – на допросе показал, что в доме К. Чернышева часто собирались на богослужение старообрядцы из разных деревень. Сам П. Репин неоднократно видел, как Чернышев отправлял службу, и слышал пение

религиозных песен, доносившееся из его избы. Григорий и Прокопий Саламатовы сообщили, что на их глазах он совершал крестный ход на Пасху, ходил по домам старообрядцев и крестьян, склонных к переходу в староверие, и отправлял богослужения. По словам К. Чернышева, он исполнял обязанности священника первые два года после получения сана от московского архиерея Антония, который выдал ему ставленическую грамоту и ризы для совершения обрядов венчания и крещения (впоследствии они сгорели в овине Клементя Чернышева). К. Чернышев признал также, что он, как священник, крестил младенцев, исповедовал больных, отпевал усопших, венчал староверов.

28 марта 1872 г. Вятская палата уголовного и гражданского суда постановила заключить Козьму Чернышева в тюрьму на один год за обращение своего дома в общественную молельню. Однако Сенат постановил ограничить срок тюремного заключения К. Чернышева за организацию молельни шестью месяцами (альтернативная мера наказания – 45 ударов розгами), саму молельню надлежало уничтожить, а материалы продать в пользу земства. По обвинению в распространении староверия К. Чернышев был оставлен «в подозрении» (ЦГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1660. Л. 225).

За венчание малолетних (13-15 лет), совершение браков в не разрешенные Русской православной церковью дни, венчание не только старообрядцев, но и приверженцев официального православия был сослан на Кавказ «лжепоп» Илья Русских, деятельность которого в Глазовском уезде была локализована, главным образом, на территории с. Зюздино-Христорождественское (ЦГАКО. Ф. 811. Оп.1. Д. 427. Л. 32 об.). По словам епископа Вятского и Слободского, он действовал «не как случайный нарушитель закона, а как постоянный и явный попираатель его и вместе с тем как нарушитель общественного порядка» (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 15 п. Д. 138. Л. 30).

Одним из распространителей старообрядчества в Сарапульском уезде являлся «лжесвященноинок» Ананий. В конце февраля 1862 г. он прибыл в город Сарапул, о чем стало известно городничему, капитан-лейтенанту Полю. После организованного полицией тайного наблюдения Ананий был арестован. В числе его вещей обнаружили священническую грамоту, подписанную Пермским епископом Геннадием, полное облачение священника (ризу, епитрахиль, подризник, пояс) и все предметы, необходимые для служения литургии. Все это обличало причастность Анания к незаконному совершению богослужения. Полное имя этого старообрядца – Андриян Акинфьевич Шibaков. Он уроженец Пермской губернии, Невьянского завода, был крепостным господ Яковлевых. В возрасте 28 лет он самовольно ушел с их завода и 14 лет находился в бегах. Из них 10 лет Ананий скрывался в лесах Чердынского уезда Пермской губернии среди местных старообрядцев. Затем по совету инока Корнилия Шibaков отправился в Москву, где старообрядческий епископ Геннадий постриг его в монахи, дав имя Ананий, а позднее получил от «расколоучителя» сан дьякона и иерея, или «священноинока».

Из Москвы через Сарапульский уезд Ананий прибыл в Пермь. Об активной деятельности Анания свидетельствует факт, сообщенный в рапорте сарапульского городничего вятскому губернатору: 17 февраля 1862 г. Шibaков способствовал побегу из-под ареста в Ершовском приказе Ивана Ивановича Ершова, приговоренного к ссылке в Сибирь. Это подтверждает мысль о том, что в среде старообрядцев были особенно развиты сплоченность, поддержка, взаимовыручка. Вероятно, это связано с тем, что они долгое время подвергались гонениям, в борьбе отстаивали свои религиозные воззрения. Находясь в Пермской губернии, Шibaков поддерживал связи со старообрядцами Москвы. По убеждению капитан-лейтенанта Поля, «Ананий есть один из значительнейших лиц в иерархии раскольников всего северо-восточного края России» (ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 84а. Д. 72. Л. 3). По решению уездного суда Андриян Шibaков, за исполнение обязанностей священника, был лишен всех гражданских прав и сослан в Закавказский край. (РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Д. 78. Л. 2 об.).

Духовным отцом Анания являлся "лжепоп" Аристарх Рябов – глава старообрядцев Ижевского завода. Он был арестован 28 марта 1862 г. При обыске в доме Рябова полиция обнаружила вещи, необходимые священнослужителю (облачение священника, запасные дары для причащения больных, крестильные принадлежности), богослужебные и учительные старообрядческие книги, ставленную грамоту и пастырское наставление, подписанные «лжеепископом» Пермским Геннадием, копию с фальшивого указа Сената о

«дозволениям будто бы государем открывать везде раскольнические общины с избранием наставников для молитвословий и требоисправлений» (РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Д. 78. Л. 2 об.). Отметим, что А. Рябов, как и Андриян Шibaков, сознавшийся в противозаконном исполнении обязанностей священнослужителя, был предан суду за распространение старообрядчества.

В рассматриваемый период власти делают акцент на миссионерской деятельности Русской православной церкви среди старообрядцев и их просвещении. Степень результативности такой работы была различной и во многом определялась личными качествами проповедников, однако она в любом случае была далека от достижения поставленной цели – ликвидации староверия и приобщения его приверженцев к официальному православию. Старообрядцы выражали преданность идеям «древнего благочестия» и отстаивали свои религиозные взгляды даже в период репрессий. Тем не менее иногда, благодаря активной деятельности православных миссионеров, удавалось вернуть в лоно официальной церкви не только простых старообрядцев, но и их духовных наставников, исполнявших религиозные требы. В канцелярии Святейшего Синода за 1868 г. сохранилось дело, содержащее ходатайство епископа Вятского и Слободского об административной высылке из Вятской губернии крестьянина деревни Кулябинской Глазовского уезда Маркела Рябова – «лжепопа» – в силу его негативного влияния как на местных старообрядцев, так и на адептов Русской православной церкви. Из документов, представленных Вятским преосвященным (копия решения Вятской палаты уголовного и гражданского суда от 7 января 1866 г. и указа Сената от 31 марта 1867 г.), следует, что М. Рябов был признан виновным в совершении таинства крещения по «раскольническим обрядам» дочери единоверца, крестьянина Григория Наймушина, лишен всех гражданских прав и сослан в Закавказский край. Однако впоследствии Сенату стало известно, что М. Рябов окрестил дочь И. Наймушина по желанию ее матери (старообрядки), отец же выступал против этого. Учитывая указанный факт, Сенат нашел, что Маркел Рябов исполнял свои обязанности служителя культа лишь у старообрядцев (а не способствовал распространению староверия среди адептов Русской православной церкви), и разрешил ему вернуться на прежнее место жительства. Возвратившись на родину, М. Рябов продолжил отправлять духовные требы, и на сей раз не только у старообрядцев. В частности, как указал Вятский преосвященный, он крестил православных детей крестьянина деревни Сиктановской Косьмы Пермякова, вернувшегося в лоно официальной церкви в 1867 г. После этого случая вятский губернатор распорядился установить за М. Рябовым полицейский надзор. Святейший Синод обратил особое внимание на то, что возвращение М. Рябова из ссылки осложнило работу православных миссионеров. Это было связано с распространением местными старообрядцами слухов «о допущении будто бы Правительством полной свободы по отправлению раскольнических треб», вследствие чего они укрепились в правоте своей веры ([Записка с изложением извлеченных из дел Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора за последнее десятилетие сведений, 1874: 169](#)). Святейший Синод счел необходимым направить ходатайство епископа Вятского и Слободского об административной высылке М. Рябова из Вятской губернии на рассмотрение министра внутренних дел. Однако прошение Вятского преосвященного было оставлено без последствий в связи с присоединением Маркела Рябова к единоверию.

Из всех старообрядческих толков и согласий наиболее жестким преследованиям властей подвергались странники (бегуны). Странничество получило наибольшее распространение в Среднем Поволжье и на Урале, в частности в Пермской губернии. Именно оттуда первые бегуны проникли на территорию Сарапульского уезда Вятской губернии. Назвать точное время их появления не представляется возможным в силу большой скрытности секты. Известный исследователь старообрядчества в Удмуртии Ю.М. Ивонин начинает отсчет истории местного страннического движения с 1895 г., когда полицейские «обнаружили бегунский скит на Старцевой горе в Сарапуле, который находился в доме мещанки М. Гуменниковой» ([Ивонин, 1973: 11](#)). Однако известно, что еще за 5 лет до этого – в 1890 г. – было возбуждено дело против крестьянина Макара Илларионовича Рыболовлева, обвинявшегося в распространении бегунской секты среди жителей села Шаршады Сарапульского уезда ([ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 2138. Л. 42](#)).

Поднятые и проанализированные нами материалы Вятского губернского жандармского управления позволяют утверждать, что впервые секта попала в поле зрения местных властей в конце 80-х гг. XIX в. Страннические проповедники наиболее активно действовали на юге края – в Сарапульском и Елабужском уездах. Впоследствии именно там бегунство получило наибольшее распространение.

Как уже отмечалось, бегуны проникали на территорию южной Вятки из соседней Пермской губернии, в основном из Перми и дер. Кеймуль Сайгатской волости Осинского уезда, граничившего с Сарапульским уездом (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1411. Л. 109 об.). Значительную роль в распространении бегунства сыграли житель Перми Иван Михайлович Казылов, поддерживавший активную переписку со своими новоявленными вятским единоверцами и объяснявший им особенности сектантского вероучения, а также странник Христофор Иванов, скитавшийся по многим волостям Пермской и Вятской губерний и призывавший «спасаться» путем обращения в бегунство.

Установить хотя бы приблизительную численность вятских странников довольно сложно. Это опять-таки объясняется большой скрытностью сектантов. «Жиловы» бегуны формально числились православными (или адептами умеренных старообрядческих согласий) и старались ничем не отличаться от окружающих, дабы не навлечь подозрение властей. Что касается «крещёных», то они вообще пытались избегать каких-либо контактов с внешним миром, где, по их мнению, правит антихрист. Пойманные бегуны зачастую отказывались называть свои истинные имена, носимые ими до перехода в секту, а также указать своих единоверцев. Тем не менее на основании анализа материалов ВГЖУ и канцелярии губернатора можно назвать следующие приблизительные цифры. В Елабужском уезде (главным образом, в районе с. Сарсак-Омга) в конце XIX в. насчитывалось около 20 сектантов (ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 43 б. Д. 432. Л. 2). В Сарапуле на молитвенные собрания в бегунском ските собиралось порой до 30 верующих (ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 184. Д. 51. Л. 14). В с. Июльском Сарапульского уезда проживало 9 сектантов (ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 43 б. Д. 432. Л. 2). Однако у нас нет данных по Воткинскому и Ижевскому заводам, без которых не представляется возможным дать общую (пусть и примерную) цифру всех сарапульских бегунов. В любом случае общая численность странников Вятской губернии, даже накануне 1917 г., не превышала 300–400 человек. Для сравнения скажем, что в начале XX в. только на территории Глазовского уезда насчитывалось около 7 тыс. даниловцев (172 селения) и более 4 тыс. филипповцев (49 селений). Среди представителей этих беспоповских течений велась миссионерская деятельность РПЦ, но они не подвергались таким жестким и систематическим преследованиям, как бегуны.

Жесткость репрессий в отношении странников объяснялась особенностями их догматики. Как и в других старообрядческих толках, исходным пунктом вероучения странников было положение о воцарении антихриста. По если умеренные старообрядческие течения понимали под антихристом нечто мысленное, как совокупность всех отступлений от «старой веры», то бегуны персонифицировали его с конкретными лицами, стоявшими у власти. По их мнению, воплощениями дьявола были все царствующие особы, начиная с Петра I. «Апокалипсический зверь, – писал создатель странничества – Евфимий, – есть царская власть, икона его – власть гражданская, тело его – власть духовная» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 424. Л. 99).

Поскольку простые смертные не могли победить дьявола, то единственный способ очищения от скверны и спасения – полный разрыв с «миром» и бегство от «власти антихристовой». Евфимий и его последователи призывали порвать все связи с обществом и бойкотировать все гражданские повинности – уплату налогов, прохождение военной службы, получение паспортов, принятие присяги и пр.

Хотя впоследствии догматика странников претерпела некоторые изменения (особенно в 60–70-х гг. XIX в.), но основные ее положения остались неизменными. Так, сектантские проповедники, действовавшие в 90-х гг. XIX в. среди крестьян Яранского уезда Вятской губернии, учили, что «настало ныне время антихриста... служба царю есть служба антихристу, а потому не должно отбывать воинскую повинность, а для спасения надобно убежать в леса и пустыни и там поститься 40 дней по примеру самого Христа» (ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 40. Д. 113. Л. 3). Сарапульские бегуны, заметно

активизировавшиеся накануне Первой мировой войны, требовали от своих единоверцев прекращения всяких связей с гражданским обществом, запрещали им фиксироваться в ревизиях, платить государственные подати, брать паспорта и пр. Они проповедовали, что «антихрист уже пришел в мир и царствует, то есть считали антихристом императора, а потому отвергали исполнение всех гражданских обязанностей, дабы по их понятиям не подчиняться власти антихриста» (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1411. Л. 93 об.).

Подобные догматические установки странников воспринимались имперскими властями как проявление нелояльности, поэтому представители данного старообрядческого течения подвергались репрессиям вплоть до начала революционных событий 1917 г. Наиболее жесткие гонения обрушились на руководителей страннических общин, а также странников-мирян, выполнявших священнические функции. Так, в 1890 г. полиция задержала нескольких сектантских миссионеров, пропагандировавших странническое вероучение на территории Сарсак-Омгинской волости Елабужского уезда. Среди задержанных был М. И. Рыболовлев, превративший свой дом в странническую молельню (ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 2138. Л. 42). Следствие по данному делу длилось три года, но в 1893 г. прекратилось из-за недостатка улик. В 1895 г. был обнаружен и закрыт бегунский скит на Старцевой горе в Сарапуле, находившийся в доме мещанки М. Гуменниковой, а в мае 1900 г. полиция разгромила общину странников в селе Июльском Сарапульского уезда (ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 43 б. Д. 432. Л. 7 об.).

Преследования бегунских активистов и лиц, выполнявших у них богослужебные функции, продолжилось даже после 1905 г., когда произошла значительная либерализация конфессионального курса. Так, 14 апреля 1910 г. полицейский надзиратель Воткинского завода Татаринов произвел обыск в квартире В. К. Коновалова, подозреваемого в организации и проведении молений у бегунов. Тогда же были проведены обыски в домах старообрядцев-странников в дер. Черной и в селе Июльском Сарапульского уезда. При этом полиция попыталась обвинить одного из лидеров местных сектантов не только в прозелитизме, но даже в уголовном преступлении - смерти местной крестьянки Марии Колабиной и ее новорожденного сына (ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 184. Д. 51. Л. 10). Однако данное следственное дело также развалилось из-за отсутствия доказательств.

5. Заключение

Итак, на протяжении длительного периода времени действия лиц, совершавших религиозные обряды у староверов, не признавались законными. За служителями старообрядческого культа устанавливался строгий административный надзор с целью не допустить распространения староверия среди адептов официальной церкви. В случае нарушения действовавших дискриминационных ограничений по отношению к старообрядцам применялись такие меры наказания, как установление полицейского надзора, ссылка в Закавказский край и др. Они воспринимались официальной властью и православным духовенством как «лжепопы», не имевшие права священнодействовать. После издания указа 17 апреля 1905 г. полномочия представителей старообрядческого духовенства были расширены, однако по-прежнему подчеркивалось главенствующее положение Русской православной церкви (Полное собрание законов Российской империи, 1908: 258). Так, например, представители старообрядческого клира получили право именоваться «настоятелями» и «наставниками», могли носить имя, данное им при постриге, в паспорте фиксировался род их деятельности, но при этом запрещалось использовать наименования служителей культа официальной церкви. Последние не изменили свое восприятие старообрядцев и после выхода в свет законов 1905 и 1906 гг. Любое открыто совершаемое ими богослужение, торжества, проводимые старообрядцами по случаю религиозных праздников, закладки или освящения храмов, поднятия крестов и установки колоколов на культовых зданиях, вызывали опасение представителей православного духовенства. Они старались предотвратить возможное негативное, с точки зрения официальной церкви, воздействие подобных деяний на своих прихожан.

Литература

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

[Записка с изложением извлеченных из дел Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора за последнее десятилетие сведений, 1874](#) – Записка с изложением извлеченных из дел Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора за последнее десятилетие сведений о действиях и распоряжениях духовного начальства по отношению к расколу. СПб., 1874. 328 с.

[Ивонин, 1973](#) – Ивонин Ю. М. Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. Ижевск, 1973. 24 с.

[Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. 268 с.

[Полное собрание законов Российской империи, 1886](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913). Том III (1883). СПб., 1886. 501 с.

[Полное собрание законов Российской империи, 1908](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913). Т. XXV (1905). Отделение первое. От № 25605–27172 и дополнения. СПб., 1908. 966 с.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Фармаковский, 1880](#) – *Фармаковский М.* Раскол в северной полосе Глазовского уезда // *Вятские епархиальные ведомости*. 1880. № 11. С. 266–272.

[ЦГАКО](#) – Центральный государственный архив Кировской области.

[ЦГАУР](#) – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

References

[GARF](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]. Moscow. [in Russian]

[Записка с изложением извлеченных из дел Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора за последнее десятилетие сведений, 1874](#) – Zapiska s izlozheniem izvlechennyh iz del Svyatejshego Sinoda i kancelyarii ober-prokurora za poslednee desyatiletie svedenij o dejstviyah i rasporyazheniyah duhovnogo nachal'stva po otnosheniyu k raskolu. [A note describing the information from the Holy Synod and the Office of the Procurator-General over the last decade about the actions and orders of the spiritual authorities in relation to the Old Believers]. (1874). St. Petersburg. [in Russian]

[Ivonin, 1973](#) – *Ivonin, Yu.M.* (1973) Staroobryadcy i staroobryadchestvo v Udmurtii [Old Believers and Old Believers in Udmurtia]. Izhevsk. (1973). [in Russian]

[Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g., 1904](#) – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. T. X. [The first general census of the Russian Empire in 1897. Tom X]. (1904). Vyatka. [in Russian]

[Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, 1886](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e (1881–1913). T. III (1883). [Complete collection of laws of the Russian Empire. The third meeting (1881–1913). Tom III (1883)]. (1886). St. Petersburg. [in Russian]

[Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, 1908](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e (1881–1913). T. XXV (1905). [Complete collection of laws of the Russian Empire. The third meeting (1881–1913). Tom XXV (1905)]. (1908). St. Petersburg. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. St. Petersburg. [in Russian]

[Farmakovskij, 1880](#) – *Farmakovskij, M.* (1880) Raskol v severnoj polose Glazovskogo uezda [Old Believers in the northern strip of Glazov County county]. Vjatskie eparhial'nye ведомости. 11: 266–272. [in Russian]

[CGAKO](#) – Central'nyj Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti [Central State Archive of the Kirov Region]. Kirov, Russia.

[CGAUR](#) – Central'nyj gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic]. Izhevsk, Russia.

Старообрядческое духовенство Удмуртии во второй половине XIX - начале XX века: взаимоотношения с местными органами власти и православным клиром

Андрей Анатольевич Машковцев ^{a, *}, Виктория Вячеславовна Машковцева ^a

^a Вятский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу взаимоотношений старообрядческого духовенства Удмуртии с местными органами власти и православным клиром во второй половине XIX – начале XX в. В основу статьи положены документы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива Удмуртской Республики и Центрального государственного архива Кировской области. Авторы проанализировали причины негативного отношения местной администрации к старообрядческим духовным лицам, а также рассмотрели основные проявления репрессивного курса (задержания старообрядческих активистов, закрытие молелен, изъятие старопечатных книг и пр.). Подчеркивается, что даже несмотря на либерализацию конфессионального курса в 1905 г. некоторые направления в старовойрии (например, странники) продолжали подвергаться гонениям со стороны властей и официальной церкви.

Ключевые слова: конфессиональная политика, старообрядчество, Русская православная церковь, духовенство, странники (бегуны), молельня, икона, религиозные обряды, единоверие, Вятский преосвященный, Вятское губернское жандармское управление.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: wikma116@rambler.ru (А.А. Машковцев)